

КОГТИ И КОРОНА

[Мунбин Мур]

18+

Мунбин Мур

Когти и корона

«Автор»

2026

Мур М.

Когти и корона / М. Мур — «Автор», 2026

Принцесса Элира всю жизнь пряталась за амулетом. Сними его — и наружу вырвется не грациозная рысь, а Теневой Василиск, чудовище из Бездны. Её брат Дарион носит корону, но его зверь — Белый Олень, жертва, не способная сражаться. Когда в день Солнцестояния из Священного Леса является Кайан — первенец, изгнанный в детстве, — он бросает вызов: трон по праву крови принадлежит ему. Теперь трём наследникам предстоит решить, что правит миром — Когти или Корона. Пока на тронном зале трещит обсидиановый трон, а в тених плетут заговоры лорды, способные уничтожить династию, Элира должна сделать выбор: скрывать свою сущность или принять её. Потому что древнее пророчество гласит: когда корона и когти станут едины, мир спасётся. Если же верх одержит тот, в ком нет зверя, — реальность рухнет. Жестокие интриги, магические схватки, forbidden магия и борьба за престол, где каждый — и хищник, и жертва. Добро пожаловать в Аркерию. Ваша охота начинается.

© Мур М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Охота солнцестояния	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мунбин Мур

Когти и корона

«В начале был Зверь, и имя ему — Венец. Он дал людям когти, чтобы рвать, и корону, чтобы править. Но люди разделили их, и мир раскололся надвое.

Когда придёт время, родятся трое: один — с душой жертвы, другой — с душой хищника, а третий — с душой того и другого. И только когда корона над пропастью треснет, а когти коснутся лба, увенчанного костью, — лишь тогда из пепла восстанет новый порядок.

Горе тому, кто спутает Когти с Коронай, ибо он потеряет и то, и другое. Но горе и тому, кто разделит их, ибо он потеряет мир».

Из «Книги Первого Рёва», апокриф, запрещённый к чтению в пределах Аркерии указом Совета Шести Родов.

Мунбин Мур

Глава 1. Охота солнцестояния

«В начале был Зверь. Имя ему — Венец, ибо на голове его росли костяные наросты, подобные короне. Он пришёл из Бездны, что лежит под корнями мира, и вдохнул в людей магию, взяв взамен обет: тот, кто сядет на трон, будет носить две шкуры — человеческую и звериную. Когда корона и когти станут едины, наступит век процветания. Если же корону наденет тот, в ком нет зверя, — земля разверзнется, а небо зальётся кровью».

Из «Книги Первого Рёва», летопись династии Венар, год 1003 от Завета.

Лето в Аркерии всегда пахло палёной шерстью и предчувствием беды. В день Солнцестояния небо над столицей наливалось густой медью, а воздух становился липким, как смола, сочащаяся из трещин в коре священных дубов. Уже которую неделю жрецы твердили о недобрых знамениях: в зверинце королевского замка волчица принесла мёртвого детёныша с двумя головами, а в храмовых садах за одну ночь почернели и осыпались все розы. Народ шептался, что корона проклята, что истинный наследник не сидит на троне, а прячется где-то в чашобах, отращивая когти.

Элира Венар стояла у окна своей башни, глядя на раскинувшийся внизу город, и сжимала в кулаке амулет из чёрного янтаря — единственное, что удерживало её собственную тьму на привязи. Солнце било в витраж с изображением Первого Короля, облачённого в шкуру льва, и по каменному полу расползались кровавые блики. Она смотрела на них и думала, что сегодня кто-то обязательно умрёт. Возможно, она сама.

Принцесса не обольщалась: Охота Солнцестояния, на которую так рвались придворные, была не праздником, а ритуальной бойней. Согласно Закону Когтей, каждый монарх Аркерии раз в год должен выйти в Священный Лес и принести жертву Великому Зверю, доказав, что в его жилах течёт истинная кровь. Два года назад её отец, король Эдвин IV, пал на этой охоте, растерзанный тварью, которую никто даже не успел разглядеть. Тело нашли в овраге, покрытое глубокими бороздами — следы когтей такой длины, что кузнецы отказывались верить. Элира помнила, как смотрела на изуродованные останки, и чувствовала не только горе, но и ледяной

ужас узнавания. Потому что внутри неё спало нечто такое, что могло бы оставить такие же раны.

Теперь корону носил её старший брат Дарион — бледный юноша с вечно дрожащими руками и взглядом затравленного оленя. Он ни разу не показал своего зверя. Говорили, что его зверь не пробудился, что в нём течёт «пустая кровь», и трон под ним шатается, как гнилой зуб. Совет Шести Родов требовал проведения Испытания Когтей, но Дарион находил отговорки, прятался за трауром, за болезнью, за чем угодно. А пока он прятался, королевство гнило. На границах бунтовали вассалы, в лесах расплодились дикие перевёртыши, не подчиняющиеся человеческим законам, и каждую ночь где-то пропадали люди. Пропадали бесследно, будто их забирал сам лес.

Сегодня Дарион должен был возглавить охоту. Но ещё вчера вечером он вызвал Элиру в свои покои и, глядя куда-то мимо неё воспалёнными глазами, сообщил: «Ты поведёшь их, сестра. Я... я не могу. Если я выйду в лес, они всё поймут. Пусть лучше думают, что король милостиво доверяет ритуал наследнице. Ты — моя преемница, пока я не заведу потомства. Твой зверь — рысь, все её видели. Этого достаточно».

Элира тогда стиснула зубы так, что хрустнула эмаль. «Все видели рысь». О да, они видели серебристый мех, гибкое тело, изящные клыки — картинку, которую она им позволяла видеть. Потому что настоящий зверь, дремавший в её груди, не имел ничего общего с грациозной кошкой. Он был порождением Бездны — тёмный, чешуйчатый, с гребнем из костяных шипов вдоль позвоночника и глазами, полными древнего голода. Василиск. Теневой Василиск, проклятый ещё в утробе матери. Амулет из чёрного янтаря, впитавший кровь трёх девственниц и заговорённый умирающим магом, глушил его зов, но не уничтожал. Сними она его — и корона упадёт с головы Дариона быстрее, чем он успеет моргнуть. Потому что Закон Когтей гласил: тот, в ком пробудился Великий Зверь, имеет право бросить вызов правящему монарху. А теневой василиск был не просто Великим — он был Первозданным, одним из тех, кто, по легенде, породил саму династию. И проклинал её же.

— Я сделаю это, — сказала она тогда брату, чувствуя, как амулет нагревается на груди. — Но запомни, Дарион: если я потеряю контроль, ты потеряешь всё.

Брат не ответил. Он лишь провёл ладонью по своей короне — золотому обручу с рубинами, каждый из которых, по преданию, содержал каплю крови Первого Короля, — и отвернулся к стене. В этот момент Элира впервые подумала: а есть ли в нём вообще зверь? Или корона надета на пустоту?

Сейчас, стоя у окна, она вглядывалась в своё отражение в мутном стекле. Высокая, плечистая, с резкими чертами лица, доставшимися от матери-северянки, и гривой чёрных волос, заплетённых в тугий узел. Её глаза — серые, как грозовое небо, — хранили тени, которые не имели отношения к усталости. Придворные шептались, что в принцессе есть что-то дикое, неправильное. Они были правы. Просто не знали, насколько.

От размышлений её отвлёк стук в дверь. Вошёл лорд-канцлер Орвин — старый интриган с лицом хорька и душой падальщика. Он поклонился ровно настолько, чтобы не оскорбить, но и не выказать излишнего почтения.

— Ваше Высочество, свита готова. Король желает лично благословить вас перед Охотой и объявить свою волю народу.

— Король желает, — медленно повторила Элира, и в её голосе скользнула тень усмешки. — Передайте его величеству, что я спущусь через четверть часа.

Орвин задержал на ней взгляд чуть дольше, чем позволял этикет. Его маленькие глазки блеснули.

— Сегодня важный день, принцесса. В Совете поговаривают, что если Охота не принесёт знака, то... кое-кто может усомниться в силе королевской крови. Вас это не тревожит?

— Меня тревожит только одно, лорд-канцлер: что ваш язык окажется длиннее, чем меч, который вы носите на поясе. Но это, увы, неизлечимо.

Орвин побагровел, но сдержался. Он снова поклонился — на этот раз чересчур низко, почти издевательски, — и вышел, шурша мантией.

Элира проводила его взглядом, затем сжала амулет до боли в ладони. Сегодня будет знак. Она чувствовала это нутром. Лес звал её, и зверь внутри, несмотря на магию янтаря, начал просыпаться, скрестись когтями о стенки её воли. Нужно было во что бы то ни стало сохранить контроль. Ради Дариона? Нет. Скорее ради самой себя и королевства, которое не переживёт гражданской войны. Потому что если она выпустит василиска, обратной дороги не будет: она станет либо королевой, либо чудовищем, на которое спустят всех охотников континента.

Церемония на Королевской площади была обставлена с помпой, приличествующей моменту. Дарион стоял на мраморном балконе в полном облачении, и ветер трепал его светлые волосы, делая похожим на мученика с древних фресок. Толпа внизу замерла, когда он воздел руку.

— Верные подданные Аркерии! — его голос был тонок и высок, но магия резонансных кристаллов разносила его далеко. — Сегодня, в день летнего Солнцестояния, когда миры сближаются и древняя сила струится по жилам земли, мы чтим Завет Первого Короля. По праву крови я посылаю на Великую Охоту мою сестру, принцессу Элиру Венар, ибо она — моя наследница и носительница истинного Зверя. Пусть когти её будут остры, а корона — тверда!

Толпа разразилась приветственными криками, хотя Элира уловила в них фальшивые нотки. Люди боялись. Они помнили, чем кончилась прошлая Охота. Они смотрели на Элиру, сидевшую на белой кобыле в полном церемониальном доспехе, и видели в её глазах что-то такое, от чего хотелось отвести взгляд. За её спиной выстроились лорды Шести Родов, каждый со своей свитой, каждый мечтал о власти. Лорд Тарран из Рода Ястреба, чьи воины носили шлемы в виде птичьих голов. Леди Морвейн из Рода Лисицы, прятая улыбку под вуалью. Граф Веллар из Рода Кабана, огромный, закованный в броню, с секирой за плечами. И остальные. Все они жаждали увидеть, оступится ли наследница.

Дарион спустился к ней, чтобы возложить на плечи ритуальный плащ из шкуры белого оленя — символа чистоты помыслов. Когда он приблизился, Элира почувствовала запах его

страха — кислый, липкий, смешанный с ароматом благовоний. Он склонился к её уху, делая вид, что поправляет застёжку.

— Сестра, — прошептал он так тихо, что никто, кроме неё, не услышал, — я получил донесение из леса. Там... что-то появилось. Что-то крупное. Оно движется к восточным чащобам. Охотники нашли следы — отпечатки лап, не принадлежащих ни одному известному зверю. Будь осторожна. Если с тобой что-то случится...

— Если со мной что-то случится, — оборвала она его так же шёпотом, — твоя корона упадёт ещё до заката. Улыбайся, брат. На нас смотрят.

Дарион послушно растянул губы в подобии улыбки и отступил. Элира тронула поводья, и её кобыла пошла вперёд, увлекая за собой кавалькаду из сотен всадников, егерей, жрецов и загонщиков.

Священный Лес встречал их тишиной. Чем дальше отряд углублялся под кроны исполинских дубов, тем глуше становились звуки: исчезло пение птиц, смолк ветер, даже стук копыт о корни превратился в ватный шёпот. Лес будто затаил дыхание, наблюдая за непрошеными гостями.

Элира ехала во главе колонны, чувствуя, как амулет на груди пульсирует в ритме сердца — быстрее, чем обычно. Здесь, вблизи древних капищ, магия земли была настолько плотной, что, казалось, её можно резать ножом. Она ощущала, как зверь внутри неё принохивается, пробует воздух, расправляет невидимые крылья. Рысь — маска, которую она носила, — нервничала, но василиск... василиск ликовал. Он чувствовал что-то. Кого-то.

— Ваше Высочество, — лорд Тарран поравнялся с ней, его ястребиные глаза зорко осматривали подлесок, — егеря доложили: дичь ушла на восток, к Разлому. Это опасная территория. Говорят, там видели перевёртыша-одиночку, который не подчиняется Завету. Может, отправим туда загонщиков, а сами обождём здесь?

— Вы предлагаете наследнице престола прятаться за спинами простолюдинов, лорд Тарран? — холодно спросила Элира. — Или вы забыли, что Охота — это ритуал, и если я не встречу Зверя лицом к лицу, Совет не зачтёт её?

Тарран нахмурился.

— Я лишь забочусь о вашей безопасности, принцесса.

— Забота о моей безопасности — ваша обязанность. Выполняйте её молча.

Она пришпорила лошадь и направилась в сторону восточной тропы, туда, где деревья росли так густо, что их ветви сплетались в сплошной полог, отсекающий солнечный свет. Свита зароптала, но послушаться не посмела.

Чем дальше они углублялись, тем мрачнее становился лес. Мох на стволах приобретал багровый оттенок, а в воздухе появился запах — сладковатый и гнилостный, словно где-то

поблизости разлагалось огромное тело. Лошади начали всхрапывать и прядать ушами, а жеребец лорда Веллара и вовсе встал на дыбы, едва не сбросив седока.

— Здесь что-то не так, — прохрипела леди Морвейн, нервно поглаживая амулет на шее.
— Я чувствую... присутствие.

Элира тоже его чувствовала. Но в отличие от остальных, её это не пугало — оно звало. Зверь под рёбрами заворочался, и по её предплечьям пробежала дрожь. Амулет обжёг кожу, напоминая: не смей, не сейчас.

На поляне перед Разломом — глубокой расселиной, уходившей в недра земли, — они нашли следы. Огромные, раза в три больше медвежьих, с чётко отпечатавшимися подушечками и длинными бороздами от когтей. Края следов были оплавлены, а земля вокруг них дымилась.

— Святые Звери, — выдохнул один из егерей, крестясь жестом, отгоняющим нечисть.
— Это не зверь. Это Древний.

— Вздор, — отрезал лорд Тарран, хотя голос его дрогнул. — Древние вымерли столетия назад. Это какой-то мутировавший перевёртыш, не более.

— Древние не вымерли, — медленно произнесла Элира, спешиваясь и прикасаясь пальцами к оплавленному краю следа. — Они ушли в Бездну. Но иногда возвращаются.

Её пальцы ощутили тепло, исходившее от земли, и на мгновение перед глазами вспыхнула картина: чёрные шипы, рвущиеся из плоти, корона из кости, горящая алым, и глаза — бесконечные, как ночное небо. Она отдёрнула руку, словно обожглась.

— Возвращаемся, — скомандовала она. — Здесь мы ничего не найдём. Зверь ушёл глубже, в катакомбы под Разломом. Туда лошади не пройдут. Лорд Тарран, организуйте оцепление. Я пойду одна.

— Одна?! — хором воскликнули несколько голосов.

— Такова традиция. Наследник должен встретить Зверя в одиночестве, чтобы доказать свою доблесть. Или вы забыли строки Книги Первого Рёва? «И войдёт наследник во тьму один, и выйдет либо с когтями, либо в когтях».

— Это самоубийство, — буркнул Веллар.

— Это ритуал, — отрезала Элира. — Ждите меня здесь. Если через три часа не вернусь, пошлите вестника королю. Пусть готовит погребальный костёр.

Она скинула плащ, оставшись в облегчённом охотничьем доспехе, проверила меч на поясе и, не оборачиваясь, шагнула к расселине. В спину ей летели протесты, но она уже не слушала. Зверь внутри рвался на свободу, и с каждым шагом амулет раскалялся всё сильнее. Она знала: там, во тьме, её ждёт не просто дикое чудовище. Её ждёт ответ. Почему она родилась с проклятием василиска? Кто наслал на их род эту скверну? И главное — кто носит корону по праву, а кто прячет когти в страхе?

Спуск в Разлом был мучителен. Ступени, вырубленные тысячи лет назад нечеловеческими руками, крошились под ногами, а стены сочились влагой, пахнувшей серой и старым колдовством. С каждым метром вглубь звуки внешнего мира исчезали, сменяясь низким гулом, идущим словно из самого ядра земли. Элира зажгла магический кристалл на рукояти меча, и его холодный голубой свет выхватил из темноты барельефы: изображения людей с головами зверей, сплетённых в битве. Первый Завет. Война Когтей, о которой летописи предпочитали молчать.

На глубине примерно пятидесяти метров проход расширился, превратившись в пещеру, усеянную сталагмитами. В центре бил родник — чёрная вода стекала в бассейн из полированного обсидиана. И над этим бассейном стоял человек.

Элира замерла, положив ладонь на эфес.

Человек был высок, плечист, одет в истрёпанный дорожный плащ из волчьих шкур. Его длинные волосы цвета воронова крыла были заплетены в косы с вплетёнными в них косточками — мелкими, похожими на фаланги пальцев. Он стоял спиной к ней, наклонившись над водой, и что-то шептал на языке, которого Элира не знала — древнем наречии, от которого вибрировал воздух и гасли кристаллы.

— Кто ты? — её голос эхом отразился от сводов. — Назови себя, иначе я убью тебя на месте.

Человек замер, прервал шёпот и медленно выпрямился. Он повернулся, и Элира увидела его лицо: резкое, с горбатым носом, высокими скулами и бледной, почти прозрачной кожей, под которой угадывались тени вен. Но самое страшное было в его глазах — они мерцали золотом, и зрачки в них были вертикальными, змеиными.

— Убьёшь меня? — он усмехнулся, и в его усмешке не было ни капли человечности. — Ты, принцесса, которая боится собственной тени? Которая прячет истинное лицо за амулетом и фальшивой шкурой рыси?

У неё перехватило дыхание. Он знал. Этого не мог знать никто, кроме её покойной матери и колдуна, создавшего амулет. Никто.

— Ты ошибаешься, — произнесла она, но голос предательски дрогнул.

— Нет, Элира Венар. Я не ошибаюсь. — Он поднял руку и указал на её грудь, где под одеждой скрывался янтарь. — Сними эту безделушку, и ты увидишь, кто ты на самом деле. Или ты думаешь, что случайно родилась с душой Первозданного? Что василиск — просто проклятие, которое нужно терпеть? Это не проклятие. Это дар. Наследие, которое у тебя украли.

— Кто ты? — повторила она, отступая на шаг и вынимая меч из ножен. Клинок запел, покрываясь инеем, — зачарованная сталь, выкованная для борьбы с перевёртышами. — Откуда ты меня знаешь?

Человек шагнул к ней, и в тусклом свете Элира разглядела, что его пальцы оканчиваются не ногтями — чёрными когтями, которые сейчас медленно втягивались в подушечки, как у кошки.

— Моё имя — Кайан. Когда-то меня звали Кайан Венар, сын Эдвина IV и его первой жены, которую он убил, чтобы жениться на твоей матери. Я — твой старший брат, Элира. Настоящий наследник престола. И я пришёл забрать корону, которую носит узурпатор Дарион. Но прежде я пришёл за тобой.

Элира почувствовала, как земля уходит из-под ног. Кайан Венар... она слышала это имя. Его произносили шёпотом, называя «Проклятым Первенцем», ребёнком, которого похитили дикие звери в ночь великой бури. Официально он числился погибшим. Но теперь перед ней стоял мужчина, в жилах которого, судя по всему, текла та же кровь, что и в ней. И его зверь... его зверь пах так же, как тот, что оставил следы на поляне. Дым, сера, древняя мощь.

— Ты лжёшь, — прошептала она, но рука с мечом дрогнула. — Кайан мёртв. Мне показывали могилу.

— Могилу с куклой, завернутой в саван. Король Эдвин побоялся меня убить, потому что знал пророчество: «Изгнанный сын вернётся в день, когда корона и когти столкнутся, и принесёт с собой либо спасение, либо гибель». Он отослал меня к Диким, в Стаю Ночных Волков. Я вырос среди них, я научился управлять своим зверем без всяких амулетов. А ты? Ты сидишь в золотой клетке и боишься даже подумать о том, чтобы стать собой.

Он подошёл ещё ближе, и теперь она чувствовала жар, исходивший от его тела. Амулет на её груди накалился так, что начал жечь кожу даже сквозь ткань. Зверь внутри рванулся, и Элира с ужасом увидела, как её собственные пальцы, сжимавшие рукоять меча, начали удлиняться, а ногти — темнеть, заостряться.

— Видишь? — голос Кайана стал ласковым, почти гипнотическим. — Ты не можешь сопротивляться. Мы одной крови, и наши звери узнали друг друга. Твой василиск — пара моему. Я ношу в себе Громогого Змея, последнего из истинных Древних. Вместе мы способны свергнуть Дариона и вернуть короне её силу. Или ты предпочитаешь гнить рядом с братом-самозванцем, пока королевство не пожрут шакалы из Совета?

— Замолчи! — крикнула она, и её крик отразился от стен многократным эхом, в котором явственно слышалось шипение. — Я не предам Дариона. Он мой брат, и он король!

— Король без зверя — не король, а жертва. Ты сама это знаешь. — Кайан склонил голову набок, и в его золотых глазах мелькнула холодная, расчётливая искра. — Ты думаешь, Совет даст ему править вечно? Сегодняшняя Охота — прикрытие. Я следил за вами с опушки. Орвин и Тарран сговорились. Они ждут, когда ты провалишь ритуал, чтобы объявить Дариона неполноценным и бросить жребий, кто займёт трон. Но они не знают, что в лесу прячусь я. Я убью их всех, Элира, если ты поможешь мне. Или убью тебя, если встанешь на пути.

Он протянул ей раскрытую ладонь. Чёрные когти блестели, как отполированный обсидиан.

— Решай. Когти или корона. Со мной ты получишь и то, и другое. Против меня — умрёшь здесь, и твой драгоценный Дарион падёт уже к утру.

В этот момент сверху донёсся звук рога — сигнал тревоги. Кто-то из свиты подал знак, что в лесу обнаружен враг. Кайан усмехнулся.

— Вот видишь. Началось. Тарран уже ведёт своих псов. Через несколько минут здесь будет полно солдат, и все они увидят тебя рядом с «диким перевёртышем». Как ты объяснишь это, сестра? Скажешь, что просто мило беседовала?

Элира лихорадочно соображала. Если её застанут здесь с ним, её обвинят в измене. Если она снимет амулет и выпустит василиска, её объявят чудовищем, и Дарион будет вынужден отдать приказ о её уничтожении — или Совет свергнет его самого. Если она откажется и попытается убить Кайана... она не была уверена, что сможет. Даже с зачарованным мечом. Он был сильнее, опытнее, он управлял своим зверем, не скрываясь. А она даже не знала, как выглядит её собственное тело в полной трансформации.

— Что ты предлагаешь? — тихо спросила она, опуская меч.

— Простое. Я выйду к ним сам. Я брошу вызов Дариону по Праву Когтей перед всем Советом. Мне нужен только один свидетель королевской крови, который подтвердит, что во мне течёт кровь Венаров. Ты. Ты подтвердишь, что я — истинный первенец, и тогда поединок станет неизбежным. А дальше... дальше корона достанется тому, чей зверь сильнее. Если Дарион действительно пуст, он умрёт быстро. Если нет — умру я, и тебе не придётся предавать брата.

— А если я откажусь?

— Тогда прямо сейчас я заставлю тебя снять амулет. — Его улыбка стала жестче. — И поверь, когда твой василиск вырвется на свободу, ты сама будешь умолять меня о смерти. Потому что он голоден. Он спал слишком долго. Первое, что он сделает, — пожрёт твою душу и займёт твоё тело. Я видел, как это происходит с теми, кто носит амулеты слишком долго. Ты станешь одержимой, зверем в человеческой оболочке. Хочешь такой судьбы?

Элира молчала. Звуки снаружи нарастали — топот ног, лязг оружия, отрывистые команды. Кто-то крикнул её имя. Кажется, Веллар.

— Время вышло, сестра. — Кайан сжал кулак, и его тень на стене пещеры выросла, исказилась, превращаясь в очертания исполинского змея с гребнем из молний. — Выбирай. Или мы идём вместе, или я выхожу один и убиваю всех, кто окажется между мной и тронem. Включая тебя.

И тогда Элира сделала то, чего он не ожидал. Она сорвала с шеи амулет.

Чёрный янтарь лопнул с сухим треском, разлетаясь осколками, и в тот же миг пещеру заполнила тьма — не отсутствие света, а живая, дышащая, полная игольчатых глаз и скрежета костей. Элира закричала, но крик перешёл в рёв, сотрясший своды. Её тело выгнулось дугой, кожа пошла трещинами, из которых полезла чешуя — антрацитово-чёрная, с кровавыми прожилками. Руки и ноги удлинились, пальцы превратились в серповидные когти, а из позвоноч-

ника, разрывая плоть, выметнулись костяные шипы, складывающиеся в подобие уродливой короны.

Кайан попятился, и в его глазах впервые мелькнул страх — смешанный с восторгом.

— Невероятно... Ты даже не представляешь, насколько ты сильна.

Но Элира его не слышала. Её разум погрузился в багровый туман, и перед ней встала единственная, выжженная в подсознании цель: защитить стаю. А стая — она вдруг ясно поняла это — были не придворные льстецы, не солдаты, не дрожащий Дарион. Стаей были те, в чьих жилах пела дикая кровь. Этот мужчина, стоящий перед ней. Другие, скрытые в тенях леса. И она сама.

До того как вход в пещеру осветился факелами и в проёме показался лорд Тарран с обнажённым мечом, оставались секунды. Тарран замер, увидев чудовище, возвышающееся над бассейном, и его лицо исказилось от ужаса.

— Боги... Что это?!

Кайан шагнул вперёд, заслоняя собой Элиру, и его собственное тело начало преобразовываться: плащ упал, обнажая торс, на котором проступили светящиеся руны, а из плеч с влажным хрустом вырвались кожистые крылья, пронизанные молниями.

— Это, лорд Тарран, — гулким голосом, в котором смешались человеческая речь и рык, произнёс он, — и есть истинная наследница королевства. Та, кто носит корону из собственной плоти и когти, способные разорвать саму реальность. А я — её брат и господин Грозы. Мы пришли забрать трон.

Тарран попытался закричать, отдать приказ, но слова застряли у него в горле. Потому что в этот момент василиск — Элира — повернула голову и взглянула на него глазами, в которых не было ничего человеческого. Только бездна. Только голод.

И Лес запел.

Тьма хлынула из пещеры, поглощая факелы, и последнее, что услышала та часть сознания Элиры, которая ещё помнила своё имя, был шёпот Кайана — или уже не Кайана, а того, кто управлял им:

— Добро пожаловать домой, сестра. Охота только начинается. Пусть корона сгорит, но когти останутся навеки.

А затем мир взорвался воем сотен глоток, и где-то далеко, в тронном зале, корона на голове Дариона Венара дала трещину. Никто, кроме него, этого не увидел. Но он почувствовал — и заплакал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.